

**ПРОБЛЕМАТИКА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В РАМКАХ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

Александр МУЩИНСКИ, студент факультета права и социальных наук,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
Научный руководитель: **Руслан ГРИГОРАШ**, ассист.

Rezumat: *Articolul abordează problema apărării legitime drept cauză care înlătură caracterul penal al faptei. Astfel, în cadrul articolului sunt analizate aspectele fundamentale legate de temeiurile juridice ale apărării și atacului, în cadrul apărării legitime sunt identificate criteriile care creează condițiile de admisibilitate a aplicării dispozițiilor privind apărarea legitimă și sunt identificate*

„lacune” ale legislației naționale penale, care împiedică funcționarea eficientă a mecanismelor de protecție personală în RM.

Cuvinte-cheie: apărare legitimă, cauză, caracter penal al faptei, invadare, limitele legale ale legitimei apărări, atac, agresor, pericol.

Институт личной защиты, в частности, необходимой обороны, в рамках национального законодательства проистекает из конституционных положений: в соответствии со статьей 26 Конституции РМ: «Каждый человек имеет право самостоятельно реагировать законными способами на нарушение прав и свобод». [2]

Исторические реалии располагают к «двойному» пониманию методов личной защиты: выделяется как правовой аспект с применением правоохранительных органов, так и личностно-индивидуальный, когда вариация защиты прав проистекает из самостоятельной обороны прав в пределах, установленных внутренним законодательством. Следует, что право на необходимую оборону конфигурировалось для дополнительного гарантирования естественных прав личности [4]: право на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность, защиту интимной, семейной и частной жизни, неприкосновенность жилища, право частной собственности [2, ст. 24, 28, 29, 46] и т.п.

Историческая перспектива фактически подчёркивает важность инструмента самообороны как результата несовершенства правоохранительной системы в целом и системы защиты прав человека, в частности. С одной стороны, по-прежнему американская модель ультимативной защиты права «Мой дом – моя крепость» является одной из самых эффективных моделей гражданского пресечения преступлений. С другой стороны, подобная практика противоречит гуманистическим идеалам, при этом допускает возможность появления фактических ошибок применения положений необходимой обороны в рамках мнимой угрозы либо превышения пределов необходимой обороны.

Таким образом, Уголовный Кодекс Республики Молдова стремится регулировать необходимую оборону как институт, балансирующий между абсолютными гуманистическими воззрениями и непосредственно прагматичными представлениями о личности как о «крепости» и о правовой системе, как неспособной в комплексности своевременно гарантировать тотальную безопасность.

Необходимая оборона, в соответствии с положениями статьи 35 УК РМ, относится к обстоятельствам, устранившим уголовный характер деяния [3, ст. 35, п. а): то есть к обстоятельствам, которые исключают преступность деяния. В данном случае законодатель исходит из отсутствия признака «общественной опасности» противоправного деяния. В случае необходимой обороны невозможно говорить об общественной опасности

деяния, поскольку сама обстановка применения положений о необходимой обороне подталкивает к тому, что в случае неприменения принципов необходимой обороны охраняемым законом отношениям, ценностям либо благам будет нанесён больший вред, чем тот, что наносится в рамках реализации права на необходимую оборону.

В данном случае законодатель исходит из того, что необходимая оборона является естественным правом человека, поскольку восходит как к индивидуальному, так и к общественному правовому интересу, а значит, необходимая оборона является формой общественно полезного поведения, доступной в тех случаях, когда лицо идентифицирует крайнюю опасность для личности или прав обороняющегося либо для общественных интересов как реальную [6, с. 12-14]. Уголовный закон позволяет использовать положения о необходимой обороне вне зависимости от того, могло ли лицо избежать прямого посягательства путём привлечения компетентных структур для предотвращения угрозы защищённых законном ценностей, благ, интересов [10, сс. 59-60].

Так, уголовный закон фактически регулирует 3 основополагающие группы интересов, которые возможно защищать в соответствии с положениями статьи 36 УК РМ [3, ч.(2), ст. 36]:

1. *Права и интересы непосредственно обороняющегося лица.* В данном случае уголовный закон восходит к гуманистической составляющей, возводящей человека в разряд абсолютной ценности. В соответствии с данной моделью права человека являются его священной и неотъемлемой частью, а значит, одновременно с формированием обстоятельств, явно свидетельствующих о крайней опасности для защищённых законом интересов лица, оное может начинать их оборонять в индивидуальном порядке [6, с. 12].
2. *Права и интересы другого лица.* Уголовный закон исходит из правовой сознательности физических лиц, а также из социальной солидарности: соответственно, необходимая оборона, будучи исторически персонифицированной моделью защиты прав и интересов, позволяет «отражать» нападение и на права и интересы других лиц. Таким образом обеспечивается вовлечение индивидов в активную социально-правовую среду и сосредоточение на коллективном, а не сугубо индивидуализированном аспекте правовой защиты.
3. *Общественные интересы.* Законодатель исходит из чувства гражданского долга и гражданской ответственности. Таким образом, уголовный закон включает в спектр примордиальных интересов совокупность ценностей, касающихся коллективной безопасности, правопорядка, сохранности окружающей среды, здоровья населения [10, с. 59] и т.п. То есть под общественными интересами подразумевается спектр ценностей, характеризующих как национальную, так и

общественную безопасность, тем самым понятие «общественных интересов» подразделяется на группу интересов, относящихся непосредственно к государственности, и группу интересов, защищающих общество в целом либо его значительные группы, в частности.

Исходя из вышеизложенного, необходимая оборона доктринально представляет собой правовой институт, создаваемый совокупностью национальных и международных норм и принципов, регулирующий одно из обстоятельств, исключающих уголовный характер деяния, выражающийся в непосредственной, прямой, законной и правомерной защите прав, свобод и интересов отдельной личности, общества в целом, определённых его групп, в частности, а также государства от общественно опасного и вредного посягательства, требующего и предполагающего возможность предотвращения появления преступных последствий путём заведомого причинения вреда посягающему лицу, если такое причинение вреда соответствует критериям сопоставимости опасности посягательства и характера избираемых методов экстренной защиты.

Существенным аспектом практики применения необходимой обороны является следование условиям правомерности. Правомерность необходимой обороны относится как непосредственно к преступному посягательству, так и к методам защиты, которое выбирает лицо для реализации необходимой обороны [6, с. 10-11].

Исходя из положений ч. (2) статьи 36 УК РМ [3, ч. (2) ст. 36], а также доктринального толкования выделяются 2 условия правомерности необходимой обороны, характеризующих преступное нападение [9, с. 12]:

- а) Общественная опасность преступного посягательства.
- б) Действительность преступного посягательства.

Общественная опасность характеризуется созданной либо непосредственно создаваемой «крайней опасностью» посягательства для интересов личности, общества либо государства. В контексте необходимой обороны основополагающим является критерий уровня общественной опасности, создаваемого посягательством, поскольку данный правовой институт коррелируется непосредственно с положительным поведением и позитивной оценкой личности лица, осуществляющего необходимую оборону. Соответственно, если посягательство является существенно менее общественно опасным, чем поведение лица, пользующегося правом на необходимую оборону, либо в случае, когда лицо явно использует положение для реализации своих преступных намерений, либо для удовлетворения своих антисоциальных потребностей, закон может интерпретировать действия подобного субъекта в соответствии с положениями ч. (1) статьи 76 пункт j УК РМ как обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, а не устранивающие уголовный характер деяния, либо в принципе не учитывать положения о необходимой обороне, если из

действий лица не следует его желание предотвратить преступные последствия, создаваемые тем, кто совершает первичное посягательство.

При этом формулировка в уголовном законе говорит не столько о преступности посягательства, сколько об его общественной опасности. Это означает, что первичным и первостепенным является критерий опасности, нежели преступности: т.е. в деяниях лица, осуществляющего посягательство, не обязательно должны идентифицироваться все юридические основания привлечения к уголовной ответственности. Главным фактором является крайняя опасность, создаваемая автором посягательства: то есть объективные элементы посягательства превалируют над субъективными. Так, не запрещается действовать в состоянии необходимой обороны против посягательства, осуществляемого в состоянии невменяемости, неосторожности либо невиновности, если деяния подобного лица непосредственно направлены на причинение немедленного и неотвратимого существенного вреда правоохраняемым интересам обороняющегося, другого лица либо общественным интересам [10, с. 60]. Подобное регулирование аргументируется тем, что лицу, обществу или государству, чьи интересы будут нарушены в результате реализации посягательства, индифферентна интеллектуальная природа деяний, составляющих материю посягательства. Поэтому законодатель и не заставляет лиц терпеть преступное посягательство в случаях, когда лицо, совершающее оное, не осознаёт преступный характер своего деяния. Данная низкая степень осознанности лишь ограничивает лицо в выборе инструментов защиты, однако не запрещает саму защиту как таковую [9, с. 15-16].

При этом необходимая оборона не может быть направлена против деяний, которые могут быть восприняты как общественно опасные, если при этом они представляют правомерные действия соответствующего лица. То есть невозможно применение положений о необходимой обороне по отношению к тем посягательствам, которые объективно причиняют вред защищённым законом интересам, если данный вред в соответствии с положениями уголовного закона считается правомерным поведением субъекта [10, с. 60].

Примерами такого правомерного поведения, сопряжённого с возможным причинением вреда индивидуальным либо коллективным интересам, являются:

1. *Осуществление лицом деяний в контексте обстоятельств, исключающих общественную опасность оных.* Исходя из вышеизложенного, устраняет характер общественной опасности деяния то поведение, которое характеризуется общественной полезностью, хоть и сопряжено с объективным причинением вреда охраняемым уголовным законом интересам [10, с. 62-63]. Так, например, не допускается применение положений о необходимой обороне против лиц, которые непо-

средственно реализуют действия в рамках необходимой обороны, крайней необходимости, обоснованного риска, задержания преступника. Причём считается незаконным в таком контексте, как реализация деяний одним из субъектов сложившихся отношений (например, сбегавший с места преступления преступник не может ссылаться на необходимую оборону, если применил силу в момент своего задержания гражданским лицом), так и третьими лицами (т.е. не могут препятствовать такому задержанию и третьи лица, ссылаясь на положения о необходимой обороне). В таких обстоятельствах следует говорить о неправомерности применения положений о необходимой обороне, поскольку подобное поведение полностью лишается характеристики общественной полезности.

2. *Осуществление лицом правомерных профессиональных либо служебных обязанностей.* В данном случае доктрина опирается на характер законности и правомерности лиц, реализующих свою профессиональную либо служебную деятельность, совмещённую с возможностью причинения вреда защищённым законом общественным интересам. Однако в случаях, когда должностные лица явно выходят за пределы собственных полномочий, начиная использовать служебное положение в качестве средства антиконституционной, насильственной или любой иной антиправовой деятельности, лицо не может считаться реализующим профессиональные либо служебные обязанности, а значит, применение против него положений необходимой обороны допустимо [9, с. 12-14].

В обоих случаях ключевым фактором является «правомерность действий»: т.е. и лицо, явно выходящее за пределы обстоятельств, устраняющих уголовный характер деяния, и лицо, явно злонамеренно и преступно пользующееся служебным положением при реализации своих обязанностей, не может выступать в качестве субъектов, защищённых от необходимой обороны. Это проистекает из принципа законности [3, ст. 3].

В свою очередь, под *действительностью* посягательства подразумевают его объективное существование, проявляющееся в следующих аспектах [3, ч. (2), ст. 36]:

- а) *Непосредственность.* Прямое посягательство подразумевает как таковое отсутствие препятствия, заведомо защищающего интерес от посягательства [10, с. 61]. Например, закрытая дверь считается препятствием, защищающим лицо от насильственного посягательства, однако непосредственная атака на это препятствие, которая может привести к утрате препятствием своих объективных защитных качеств, также делает посягательство прямым [7].
- б) *Немедленность.* Критерий немедленности описывает временной характер посягательства. Так, угроза посягательства должна существо-

вать непосредственно в момент осуществления действий, связываемых с необходимой обороной. Невозможно применение необходимой обороны по отношению к посягательству, которое может иметь место в перспективе либо уже произошло и завершилось, поскольку необходимая оборона не является превентивной мерой обеспечения права и не является аспектом посткриминального поведения жертвы [7]; она направлена на отражение посягательства, а значит посягательство должно угрожать охраняемым законом ценностям в момент начала реализации деяний, связанных с необходимой обороной. И, соответственно, моментом окончания осуществления подобных действий должно являться окончание преступного посягательства. При этом конец преступного посягательства исходит из прямого понимания защищаемого относительно того, существует ли реальная угроза продолжения преступного посягательства [10, с. 61].

- с) *Материальность*. Объектом посягательства могут выступать материальные ценности, а посягательство должно быть выражено в материально идентифицируемых деяниях. Фактически доктрина говорит о невозможности пресечения нематериального (например, морального) посягательства [7]. Соответственно необходимо наличие материальной угрозы, создающей условия крайней опасности для общественных отношений, ценностей либо благ, защищаемых уголовным законом. В данном аспекте закон полагает, что физическое препятствование посягательству, сущность которого не может проявляться в материальном аспекте, не может обеспечиваться путём самостоятельной защиты индивида.
- д) *Реальность*. Посягательство либо угроза посягательства должны быть реальными. То есть они должны иметь проявление в реальном мире, существовать в действительности, быть объективно воспринимаемыми и непосредственно направленными на преступный результат [5]. При этом дополнительно выделяется аспект возможности мнимости обороны, однако в любом случае обстоятельства случая должны давать основания полагать о реальности угрозы либо реальности восприятия угрозы.

Помимо критериев правомерности посягательства, создающего обстоятельство, формирующего возможность реализации положений о необходимой обороне, существуют и критерии правомерности защиты в контексте необходимой обороны.

Следует отметить, что и международная доктрина, и национальное законодательство сводят необходимую оборону к инструменту защиты прав, свобод, ценностей, благ. Фактор защиты предполагает определённую строгость, характеризующую ограниченность деяний, которые возможно применять в рамках необходимой обороны [6, с. 12-13]. При этом важно отли-

чать защиту от возмездия. Исходя из вышеизложенных положений относительно требуемого характера посягательства, отчётливо видно, что необходимая оборона должна прекратиться одновременно с моментом, когда посягательство перестаёт быть реальным, *ввиду, например, бегства злоумышленника либо его прямого отказа от посягательства, либо его вынужденного отказа от посягательства* (ввиду отсутствия физических/объективных факторов, которые позволяют осуществить посягательство) [7].

Таким образом, возникают 2 условия правомерности защиты в рамках необходимой обороны [10, с. 61]:

1. Защита должна быть направлена непосредственно против агрессора.
2. Защита должна быть пропорциональна нападению.

Соответственно, в рамках необходимой обороны обороняющееся лицо может причинять вред исключительно лицу, осуществляющему посягательство [3, ст. 36]. Из данного положения следует, что защищаемое лицо не может в рамках необходимой обороны заведомо наносить вред другим лицам, а также другим охраняемым законом интересам. В сущности, под «другими лицами» подразумеваются и лица, непосредственно связанные с автором посягательства, но напрямую это посягательство не реализующие, а лишь выполняющие предварительную работу, выступая, например, в роли соучастников любого вида, кроме соисполнителей. Также под «другими лицами» подразумеваются любые третьи лица, которые ошибочно были восприняты в качестве источника угрозы, равно как и третьи лица, по стечению обстоятельств находящиеся рядом с автором посягательства, при этом никоим образом не связанные с сущностью посягательства, а также не воспринимаемые защищаемой стороной в качестве реального субъекта угрозы [7]. Исходя из вышеизложенного, защитные действия могут быть направлены исключительно против агрессора в момент осуществления преступного посягательства.

С другой стороны, вред, который причиняется агрессору в рамках необходимой обороны должен быть соразмерен тому вреду, что может быть нанесён в рамках преступного посягательства. То есть защита должна соответствовать характеру нападения и напрямую уравнивать характер и степень опасности предполагаемого вреда. Соответственно берутся в расчёт как объективные показатели нападения и защиты, так и критерии иерархической оценки социальных ценностей, которым наносится вред как агрессором, так и защищаемой стороной.

Отличие необходимой обороны от крайней необходимости заключается в аспекте пропорциональности причиняемого вреда и предотвращаемого вреда. Так, в соответствии с положениями части (3) статьи 38 УК РМ *не признаётся находящимся в состоянии крайней необходимости лицо, которое в момент совершения деяния понимало, что порождает явно более тяжкие последствия, чем те, которые могли иметь место, если бы опас-*

ность не была устранена [3, ч. (3), ст. 38]. Подобного положения в статье, касающейся необходимой обороны, нет, однако соизмеримость атакующей и защищающейся стороны всё равно возникает в судебной практике.

Так, положения об обороне исходят из того, что оборонительные средства, используемые лицом, должны быть с его субъективной точки зрения достаточными для отражения нападения. То есть законодатель в рамках необходимой обороны позволяет нанести больший вред, чем тот, который мог быть нанесён агрессором, однако характер двух типов вреда должен быть соизмерим, в результате чего запрещается наносить заведомо больший вред в рамках необходимой обороны [8, с. 70-71]. В данном случае закон исходит из психологической природы человека, находящегося в рамках «крайней опасности» [3, ч. (2), ст. 36]. Общая психоэмоциональная составляющая предполагает особенность перцепции индивида, характеризующуюся высокой степени взволнованности и незначительным промежутком времени, за который в стрессовой ситуации необходимо объективно оценить ситуацию, просчитав возможные риски и последствия, а также избрать подходящие средства защиты от посягательства. Естественно объективная оценка ситуации в контексте ограниченности по времени и общей психологической напряжённости представляется невозможной, поэтому соизмеримость и пропорциональность нападения и защиты находятся в параметре крайне относительной сопоставимости [5].

Эта относительность как раз и заключена в той степени «заведомой диспропорции», что формирует превышение пределов необходимой обороны, которое фактически не урегулировано национальным законодательством.

При определении превышения пределов необходимой обороны учитывается эмоционально-психологическое состояние и отношение лица к посягательству [8, с. 69-70]. Таким образом, превышение пределов необходимой обороны составляет тот комплекс умышленных деяний, который явно и заведомо не соответствовал характеру и степени общественной опасности самого посягательства.

Так, существуют 4 базовых вида превышения пределов необходимой обороны [5]:

1. несоответствие средств и орудий нападения и защиты.
2. дисбаланс интенсивности нападения и защиты.
3. оборона средствами и орудиями, создающими условия опасности для третьих лиц.
4. защита после явного и окончательного прекращения посягательства.

При оценке объективной обороны деяния доктринально исходят из следующих критериев соразмерности поведения агрессора и защищающейся стороны:

- а) средства и орудия нападения;

- б) интенсивность посягательства;
- с) объективные физические показатели сторон;
- д) ценность объекта атаки [7];
- е) средства и орудия обороны [5].

Отсутствие нормативного определения параметров превышения пределов необходимой обороны приводит к противоречию, когда используемые методы защиты очевидно, бесспорно и явно не соответствовали угрозе, однако общий психологический фон происшествия и индивидуальная психологическая выдержка защищающегося лица создали обстановку, при которой подобные методы защиты лицом воспринимались как объективно необходимые. Более того, законодатель не учитывает, что при соприкосновении с реальной угрозой защищающаяся сторона не может располагать оптимальным количеством времени и опций, которые позволили бы избрать наиболее подходящее средство для необходимой обороны. Практика доказывает, что в таких ситуациях применяются средства, орудия и методы, которые находились в непосредственной близости, так как идентифицировать «соразмерное» средство отражения покушения представляется невозможным при экстренном характере угрозы.

Также в практике возникают ситуации, когда защищающаяся сторона лишь воспринимает действия другого лица в качестве опасных и направленных против защищённых уголовным законом ценностей. (Например, лицо применяет меры необходимой обороны, не зная, что ведётся съёмки фильма, реализует атаку на одного из актёров, держащего в руках предмет, схожий с огнестрельным оружием, направленный на другое лицо, также участвующие в съёмках.) В таких случаях следует говорить о мнимой обороне, т.е. ситуации, когда реального общественно опасного посягательства не существует и не существовало со стороны предполагаемого агрессора, однако лицо некорректно оценило действия второго лица, ошибочно предположив начало противоправного посягательства, в результате чего осуществило либо начало осуществлять деяния, нанёсшие вред потерпевшему, принятому за агрессора [9, с. 15-16].

В таких случаях главенствующим фактором является субъективный аспект деяний мнимого защитника, в связи с чем возникают 2 модели санкционирования деяний лица в рамках реализации мнимой обороны:

- 1) При условии, что обстановка давала реальное основание полагать, что имеет место непосредственное посягательство, а лицо, в свою очередь, не осознавало и не могло осознавать некорректность своих предположений о сущности деяний предполагаемого агрессора, а также осуществляло действия, не нарушающие пределы необходимой обороны, мнимо защищающееся лицо считается действующим в состоянии реальной необходимой обороны, поскольку отсутствовал элемент вины [3, ст. 20] при совершении данного деяния.

- 2) Если лицо воспринимает мнимую угрозу как реальную, однако, исходя из обстоятельств дела, оно могло и должно было выявить реальную природу происходящего, тогда лицо, действовавшее в рамках мнимой обороны, подлежит ответственности за деяние, совершённое по неосторожности (в данном контексте – небрежности).

То есть мнимая оборона строится на фактическом характере ошибки защищающегося лица, проистекающей из 2 критериев идентификации:

1. обстановка, подталкивающая к ложному восприятию действительности;
2. индивидуальная неспособность своевременно осознать ошибочность предположения.

Превалирующей в данной системе оказывается обстановка, поскольку вменяемость лица в соответствии с положениями о субъекте преступления подразумевается, и она позволяет ему в жизненных обстоятельствах реально и адекватно оценивать окружающую действительность. Соответственно, искажение реальности восприятия для формирования условий мнимой обороны проистекает из стрессовой ситуации, вызываемой тлетворной обстановкой, существенно влияющей на психоэмоциональное состояние лица [7].

Исходя из вышеизложенного, институт необходимой обороны является важным инструментом гарантирования уважения и соблюдения конституционных прав и свобод личности. Необходимая оборона, будучи альтернативным и экстренным средством защиты личных, общественных или государственных интересов, требует своего дальнейшего развития в национальной практике в качестве правового феномена общественно полезного поведения в контексте ситуаций, предполагающих крайнюю опасность. Таким образом, необходимая оборона выступает как в качестве дополнительного источника поддержания правопорядка и общественной безопасности, так и в качестве средства эффективной имплементации правовой сознательности, особенно в контексте защиты общественных и государственных интересов.

Тем не менее национальный институт необходимой обороны требует последовательного уточнения и расширения, ввиду ограниченности своего применения и неполного регулирования, в связи с чем аспект правовой оценки действий защищающегося зависит более от оценки судебного органа, нежели от нормативных положений.

Обобщая вышесказанное, делаем следующий вывод: национальное законодательство, регулирующее положения о необходимой обороне, следует дополнить:

1. Необходима чёткая спецификация положений, касающихся пределов необходимой обороны. Положения статьи 36 УК РМ в принципе не предусматривают пределы необходимой обороны, но в дальнейшем в статье 76 УК РМ нарушение пределов необходимой обороны выступает

в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. Более того, в отличие от положений части (3) статьи 38 УК РМ о крайней необходимости, в положениях статьи о необходимой обороне вообще не указывается возможность превышения пределов, а также не урегулированы объективные и субъективные элементы защиты от преступного посягательства. Так, статью 36 УК РМ следует дополнить ч. (4) с содержанием: «Обороняющееся лицо, осуществившее умышленные деяния, заведомо не соответствующие характеру и степени опасности преступного посягательства, считается нарушившим пределы необходимой обороны».

2. Также следует урегулировать проблематику невозможности экстренной идентификации подходящего средства обороны, ввиду неожиданности посягательства либо его чрезвычайной опасности, тем самым сделав инструмент защиты действенным и юридически безопасным. Так, статью 36 УК РМ следует дополнить ч. (5) со следующим содержанием: «Положение о пределах необходимой обороны не действует в случаях, когда посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося лица либо других лиц, а равно с непосредственной угрозой применения такого насилия, а также в случаях, когда обороняющееся лицо в результате неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности преступного посягательства».

Библиография:

1. *Всеобщая Декларация Прав Человека от 10 декабря 1948 года* // Права человека. Основные международные договора. – Кишинев: Garuda-Art, 1998. – стр. 361
2. *Конституция Республики Молдова*, пр. 1 от 29 июля 1994. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, nr.78/140 от 29.03.2016
3. *Уголовный Кодекс Республики Молдова*, пр.985-XV от 18 апреля 2002. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr.128-129/195 от 14.04.2009
4. *Международный Пакт по Гражданским и Политическим Правам от 16 декабря 1966 года: утвержденный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №2200А (XXI)* // Права человека. Основные международные договора. – Кишинев: Garuda-Art, 1998. – стр. 378.
5. BOTNARU, S., ȘAPORDA, E. *Aspecte de teorie și practică în materia legimitii apărării*. [On-line] (дата обращения: 07.03.2023) Доступно: <https://juridicemoldova-md.cdn.ampproject.org/v/s/juridicemoldova.md/7376/aspecte-de-teorie-si-practica-in-materia-legitimii-aparari.html>
6. BRÂNZĂ, Liubovi. *Legitima apărare și scuză provocării în lumina reglementărilor juridico-penale din România și din Republica Moldova*. În: *Revista Națională de Drept*, nr. 12, 2015, pp. 10-15 ISSN 1811-0770
7. CRUCIU, Petru. *Legitima apărare în optica Noului Cod penal*. [On-line] (дата обращения: 07.03.2023) Доступно: <https://www.juridice.ro/360350/legitima-aparare-in-optica-noului-cod-penal.html>

8. ODAJIU, Stanislav. Noțiunea și caracteristica legitimei apărări conform legislației penale autohtone. În: *Revista Națională de Drept*, nr. 7-9, 2018, pp. 68-71 ISSN 1811-0770
9. ULIANOVSCHI, Xenofon. Legitima apărare: Aspecte juridico -penale militare. În: *Revista Națională de Drept*, nr. 9, 2015, pp. 13-17 ISSN 1811-0770
10. БУЖОР, В., ГУЦУЛЯК, В., СПЫНУ, И. *Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Молдова (Общая Часть)*, Кишинэу, IP „Centrul de Instruire și Cercetare”, 2010, 227 с. [On-line] (дата обращения: 07.03.2023) Доступно: https://old.criminology.md/books/comentarii_ug_cod_ob_chast.pdf